

Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию
Южно-Уральский государственный университет
Юридический факультет

X62.я43
А 437

Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ

*Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной
80-летию со дня рождения
профессора, доктора юридических наук,
заслуженного деятеля Высшей школы
Лившица Юрия Даниловича*

2–3 апреля 2009 года

Челябинск
Издательство ЮУрГУ
2009

Редакционная коллегия:

В.И. Майоров (гл. редактор), С.В. Тетюев, А.А. Терегулова,
О.Е. Печерина, А.А. Дмитриева (ответственная за выпуск)

Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича – 2–3 апреля 2009 г. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. – 485 с.

ISBN 978-5-696-03852-0

Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Лившица Юрия Даниловича – 2–3 апреля 2009 г., посвящен актуальным проблемам уголовного судопроизводства и криминалистики.

Издание предназначено для студентов, курсантов, аспирантов, соискателей, адъюнктов, преподавателей и практических работников, интересующихся вопросами расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Все материалы представлены в авторской редакции.

реабилитации. Тем не менее, анализ соответствующих норм закона приводит к возникновению ряда вопросов.

Так, на основании ст. 134 УПК РФ право на реабилитацию признается в отношении оправданного лица судом в приговоре, определении или постановлении, а для лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование в досудебном производстве – прокурором, следователем или дознавателем в выносимом ими постановлении. При этом данным должностным лицам одновременно требуется направить реабилитированному извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием. Однако указания на извещение иных лиц, которым был причинен вред при производстве по уголовному делу, в законе отсутствует. Соответственно на практике такие действия не осуществляются и потенциальная возможность возмещения вреда для такой категории граждан утрачивается.

Для устранения подобного явления возможно необходимо установить в законе обязанность прокурора в любом случае вынесения оправдательного приговора или прекращения уголовного дела в досудебном производстве изучать такие дела для выявления лиц, которые могут претендовать на возмещение причиненного вреда, и извещать их об этом с разъяснением этого права, а также порядка обращения с соответствующим требованием в конкретный орган. Такой подход видится вполне закономерным с учетом изменений положения и функций прокурора в уголовном судопроизводстве в связи с изменениям УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в июне 2007 года. Теперь прокурор, будучи практически освобожденным от участия в уголовном преследовании при производстве предварительного следствия по уголовным делам, должен сосредоточить свое внимание на осуществлении надзорных функций, направленных на обеспечение исполнения закона и защиту прав и законных интересов любых лиц.

Сказанное позволяет также говорить о необходимости введения в закон такого понятия как реабилитационное производство – связанного как с досудебными, так и с судебными стадиями уголовного судопроизводства, а также с процессуальной и непроцессуальной (организационной, финансовой и др.) деятельностью определенных должностных лиц. Такой подход будет соответствовать смыслу п. 34 ст. 5 УПК РФ, в которой указывается, что реабилитация это «*порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, возмещения причиненного ему вреда*» (выделено мною – В.Р.). То есть другими словами это деятельность, обусловленная наличием установленных законом оснований для ее возникновения, целей и правил осуществления.

В этом же ключе требует уточнения и название главы 18 УПК РФ, которая именуется «Реабилитация», но речь в ней идет также и о возмещении вреда, связанного с уголовным преследованием. Поэтому для более точного отражения характера регулируемых реабилитационных правоотношений данную главу следует озаглавить «Реабилитация и возмещение вреда».

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ ДОПРОСА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЯ

Д.В. Татьяна

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук

В действующем уголовно-процессуальном кодексе РФ установлен круг лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля. Несомненно, законодатель в своей заботе о правах личности старался оградить ряд лиц, занимающих определенные должности, от вмешательства правоохранительных органов в их деятельность в части, связанной с профессиональной тайной. Вопрос о необходимости подобного шага, равно как и об обоснованности и полноте подобранных категорий лиц, глубоко спорный, равно как и вопрос о том, что важнее, сохранение «профессиональной» тайны ограниченного круга профессий или раскрытие преступления.

Одним из наиболее спорных является вопрос о возможности допроса в качестве свидетеля священнослужителей. Данная проблема определена их особым положением в светском госу-

дарстве. В статье не употребляется понятие «свидетельский иммунитет», поскольку в УПК РФ установлен прямой запрет допроса в качестве свидетеля священнослужителей, и ни чего не говорится о возможности снятия этого запрета, даже по решению суда.

В п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ указано, что «не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель об обстоятельствах ставших ему известными на исповеди». Полагаю, что первоначально следует определиться с понятиями.

Исповедь – в христианстве таинство: раскрытие верующим своих грехов священнику и получение от него прощения именем Христа¹. В словаре С.И. Ожегова: исповедь – это покаяние в грехах перед священником².

Указанный термин «священнослужитель» ни в УПК РФ, ни в законе «О свободе совести и религиозных объединениях» не расшифровывается. С.И. Ожегов определяет священнослужителя – как служителя культа совершающего богослужение³. Священнослужители – в православной и католической церквях лица, возведённые в духовный сан (епископ, священник, дьякон) который даёт им по христианским представлениям, духовную власть по отношению к верующим, и имеющие право совершать религиозные обряды и таинства (кроме дьякона)⁴.

Давайте теперь взглянем на термин священник – это служитель культа православной церкви, по сану средний между дьяконом и епископом⁵ или (иерей, поп) православный священнослужитель допущенный к самостоятельному ведению богослужения⁶.

Сравнивая данные определения, несложно прийти к выводу, что священнослужители являются более широким понятием, чем священники, которые единственные из категории священнослужителей, обладают полномочиями исповедовать. Законодатель же установил запрет на допрос в качестве свидетеля всех священнослужителей, даже тех, кто не имеет права на проведение исповеди.

Законодатель определение священнослужитель распространил на все религии, независимо от наличия у них таинства исповеди. Однако, как следует из приведённых определений, исповедь присуща только христианскому культу, в культах иных религий институт исповеди отсутствует. Подобная неопределённость в терминологии открывает возможности для злоупотреблений священнослужителями самых разных религий.

В многоконфессиональной России существует множество религий, а также различных течений и сект. Кроме традиционных религий, представлены недавно созданные религии и возрождённые языческие культы. Разумеется, что следователь или дознаватель расследуя дело, по которому целесообразно допросить в качестве свидетеля священнослужителя, не станет изучать соответствующее учение, если это напрямую не связано с расследованием. Любой священнослужитель может отказаться дать показания ссылаясь на тайну исповеди даже, если в данной религии (её течении) исповедь не предусмотрена. Подобная норма особенно ценна для разных сект, которые создают свою религию и могут включить в неё таинство исповеди в целях воспрепятствовать проведению расследования, если в отношении представителей секты будет проводиться уголовное преследование.

Указанным вниманием к религии законодатель нарушает ст. 14 Конституции, согласно которой Российская Федерация – светское государство и религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В данном вопросе полностью поддерживаю мнение П.А. Лупинской: «Тайна исповеди установлена религиозными канонами, а не государственными нормативными актами. Государство никакой ответственности за нарушение тайны исповеди кем бы то ни было не несёт и ни каких санкций к виновным не применяет. Государство обязано лишь обеспечить возможность представителям религии выполнять свои обряды, в том числе и соблюдение тайны исповеди, однако не в праве что-то предписывать и запрещать. Поэтому ка-

¹ Советский энциклопедический словарь. – М., 1981. – С. 515.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2004. – С. 251.

³ Там же. – С. 694.

⁴ Советский энциклопедический словарь. – С. 1193.

⁵ Ожегов С.И. Указ. соч. – С. 694.

⁶ Советский энциклопедический словарь. – С. 1193.

тегорический запрет священнослужителям давать показания по данному вопросу может быть расценен как вмешательство государства в дела церкви»¹.

Законодатель фактически установил примат религиозного догмата (не нормы) над законом в светском государстве поправ тем самым права всех неверующих. Данный запрет на допрос является только лишним барьером в расследовании преступлений и помощью преступникам. Полагаю, что священнослужителя вообще необходимо исключить из списка лиц, не подлежащих допросу.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Л.Г. Татьяна

Профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета

Изменение социально-экономических условий в России обусловило проведение судебно-правовой реформы в целях создания такой правовой системы, которая бы неформально обеспечила защиту прав личности, общества и государства. Однако, быстрое принятие законов с введением новых институтов создало сложности в их применении. Так, одним из наиболее дискуссионных оказался вопрос о роли прокурора в уголовном судопроизводстве. Пытаясь создать состязательный уголовный процесс, законодатель качественно изменил подход к определению роли участников процесса, отнеся прокурора к представителям стороны обвинения. Решил ли проблему реализации назначения уголовного судопроизводства данный подход, и стоит ли пересмотреть процессуальное положение прокурора в действующем уголовно-процессуальном законодательстве? Ответ на эти вопросы позволит определить роль прокурора в современном уголовном судопроизводстве.

В соответствии с Законом о прокуратуре на прокуратуру возложен надзор за исполнением действующих на территории РФ законов (п. 1 ст. 1). УПК РФ установил, что прокурор в ходе уголовного судопроизводства выполняет две самостоятельные функции: уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ч. 1 ст. 37).

Определяя место прокурора среди участников уголовного процесса, вызывает возражение подход законодателя, отнесшего прокурора к участникам со стороны обвинения. Исследуя место прокурора в уголовном судопроизводстве, следует отметить, что прокурор не рассматривался как представитель стороны обвинения.

Еще В.И. Ленин подчеркивал, что прокурор обязан «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»². Ц.М. Каз, определяя место прокурора, писала: «Осуществление надзора за точным исполнением законов в уголовном судопроизводстве является процессуальной функцией прокурора»³. При этом поддержание обвинения в суде рассматривалось как форма осуществления надзора за законностью⁴. В современном процессе функции уголовного преследования и надзора рассматриваются многими авторами как самостоятельные⁵, хотя не отрицается их единство и взаимопроникновение¹.

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. П.А. Лупинской. – М., 2009. – С. 212.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 198.

³ Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. – Саратов, 1968. – С. 47.

⁴ Гродзинский М.М., Васильев А.Н., Сапожников И.Г., Смирнов Л.Н. Государственный обвинитель в советском суде. – М., 1954. – С. 45; Тадевосян В.С. Прокурорский надзор в СССР. – М., 1966. – С. 196; Рахунов Р.Д., Сапожников И.Г., Козак Л.М., Коршик М.Г. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. – М., 1963. – С. 13; Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. – М., 1960. – С. 149; Каз Ц.М. Указ. соч. – С. 51; Балахнин В.С. Поддержание государственного обвинения. – Екатеринбург, 2007. – С. 7–8.

⁵ Тушев А.А. К вопросу о функциях прокурора в уголовном процессе // Уголовно-процессуальный кодекс России.